

«Термин „акселерационизм“ стал бесполезным»

Интервью с Ником Шрничеком

Итак, начнем с азов: что такое акселерационизм?

Когда мы с Алексом Уильямсом писали «Акселерационистский манифест», термин не был особо известен. В качестве своего рода критического инструмента его ввел Бенджамин Нойс, когда разрабатывал философию отрицания в противовес акселерационистскому утверждению, которое он обнаружил у Жиля Делёза и Феликса Гваттари. Однако для нас с Алексом он стал обозначать вполне марксистский проект, который зиждется на классическом марксистском взгляде на капитализм не как на подлежащий уничтожению или обращению вспять. Напротив, капитализм возводит фундамент для посткапитализма, для движения вовне себя. Эту простую идею мы и имели в виду. Более конкретно: она включала в себя интерес к новейшим технологиям, рассуждение об их использовании как средств не столько контроля, сколько освобождения и проектирование способов построения мира изобилия и экспериментирования по ту сторону ограничений капиталистического общества. Мы сосредоточились на технологии, размышляя о том, что на деле означает быть человеком, и обдумывали выход за пределы эссенциалистского понятия человеческого, стремясь соединить его с недавними идеями об искусственном интеллекте, о природе аргументации и коллективной рациональности. Фактически мы пытались охватить постчеловеческое и посткапиталистическое видение будущего.

Вы только что упомянули марксизм, в число основных установок которого входит диалектический материализм. Повлияла ли на акселерационизм диалектика как метод и об-

Перевод с английского Максима Мирошниченко (Школа философии НИУ ВШЭ).

раз мышления? Какую роль в нем сыграл нефундаменталистский, эволюционный ход рассуждений? В последние годы большой интерес к себе привлек Роберт Брэндом.

Мое первоначальное видение диалектики было опосредовано делёзианской подготовкой — диалектика была грубым инструментом, пытающимся ухватить природу развития, тогда как мы искали гораздо более тонкого и материалистического понимания недиалектического становления. Полагаю, подготовка сыграла заметную роль в нашей с Алексом исходной разработке акселерационизма; наш общий бэкграунд подспудно сформировал большую часть наших представлений о переменах. Однако с тех пор я изменил свое отношение к диалектике, отчасти благодаря работам Рэя Брассье и Резы Негарестани, но также будучи заинтригованным потенциалом марксистской формы стоимости. Рэй и Реза переосмысливают диалектику через обращение к Роберту Брэндому и Уилфриду Селларсу, предложившим намного более сложный инструментарий для понимания динамики и хитросплетений логического мышления, а также способов сцепления концептуального аппарата с реальностью. Работы Рэя и Резы сегодня — одни из самых интересных и изобретательных в философском отношении.

Вы говорите о своего рода «творческой» диалектике, об эмерджентности, а не о детерминизме?

Да, пожалуй, причем во многом придерживаясь делёзианских концепций.

Сегодня просматриваются две ветви акселерационизма — левая и правая. Существует ли онтологический принцип, который позволил бы разграничить их, скажем, в решении вопроса о технологии?

Если честно, я не уверен в осмысленности различения правого и левого акселерационизма, учитывая, что оно предполагает определенный общий базис для обоих, дополняемый политико-философским выбором одного из двух. Поэтому я считаю, что термин «акселерационизм» стал бесполезным — им обозначается что угодно для кого угодно. Никогда не встречал интересные вопросы, провокации или интуи-

ции, которые родились бы из идеи о существовании общего акселерационистского проекта, подразделяемого на правый и левый фланги.

Когда речь заходит о правом акселерационизме, подразумевают Ника Ланда (не уверен, есть ли какие-то другие «правые акселерационисты», кроме него). Что касается его работ 1990-х годов (признаюсь, я слабо знаком с его поздним творчеством), то Рэй некогда предложил их исчерпывающую критику: эстетически и интеллектуально вполне воодушевляющий, этот проект исполнен политических и логических противоречий, а также стирает вопрос о репрезентации. Такой взгляд увел Рэя от увлечения элиминативным материализмом в сторону исследований нормативности, и он же привел нас к переосмыслению роли аргументации. Стоит вам распознать внутренние противоречия проекта элиминативного материализма, как вы сталкиваетесь с трудными вопросами, которые в противном случае были бы отброшены. В более широком смысле я бы сказал, что проект Ланда 1990-х согласовывался с историческим торжеством капитализма над СССР, будучи попыткой онтологизации его победы. Однако эта идея, как и многое в том десятилетии, по нынешним временам выглядит устаревшей. Сегодняшний капитализм — не двигатель изменений, скорее уж его характеризуют стагнация и дряхление.

В продолжение сюжета: акселерационизм критикует капитализм за то, что он недостаточно продуктивен, но при этом выдает себя за абсолютного детерриторизирующего агента. Но заботит ли акселерационизм лишь материальное, к примеру технологии, или и абстрактные сущности, вроде социальных пространств, тоже?

Не думаю, что технологию можно отделить от социальной инфраструктуры. Отчасти это тот же классический марксистский тезис, который гласит, что производственные отношения в конечном счете налагают ограничения на производственные силы. И похоже, что он точно описывает происходящее сегодня. Капитализм достиг точки, когда он уже не способен существенно развивать производственные силы. Это вызов любому поборнику безграничной динамики капитализма: почему глобальный капитализм сбавляет обороты по всем основным показателям еще с 1970-х?

ВВП, производительность труда, создание патентов, общая факторная производительность, заработная плата, прибыль и многое другое — все снижается. Эпоха неолиберализма стала полным кошмаром даже для самого капитализма.

Произойдут ли в ближайшем будущем какие-то возможные/зримые «события» в смысле Бадью с технологией и ее совершенствованием даже при такой стагнации?

Я неохотно обращаюсь к риторике «событий» во многом из-за ее привязки к мессианскому в своей основе подходу к политике. Кроме того, она самоотверженно гонится за невыразимостью, как если бы та была самоценной, — а такая позиция имеет ужасную политическую и философскую историю. Как бы то ни было, стоит отметить значительные подвижки в области машинного обучения — в частности, по созданию более общей разновидности искусственного интеллекта.

Проблема здесь не в том, что мы можем создать ИИ, который захватит мир и в духе «Терминатора» решит истребить человечество (в русле антропоцентристского убеждения, будто сверхчеловеческий ИИ озабочен нашим уничтожением). Более насущной угрозой я считаю монопольное пользование ИИ и связанные с ним способы отправления политической и экономической власти. В настоящий момент мы наблюдаем усиление контроля над ИИ, который концентрируется в руках группки компаний, чьи ресурсы, экспертиза и данные достаточны для создания ИИ, управляющего миром. Вот чем нам стоило бы обеспокоиться.

Тем не менее текущее состояние исследований в области ИИ все еще довольно неутешительно, несмотря на те зримые прорывы, которые они порой демонстрируют. Имеющийся в нашем распоряжении ИИ, к примеру, очень хорош в исполнении определенного типа задач, которым его обучают, однако сдает позиции, стоит направить его на выполнение задач другого типа. Мы располагаем некоей базовой техникой — обратным распространением, — широко используемой на протяжении десятилетий и разрабатываемой по сей день, но со все более скромными результатами. Если взглянуть на промышленный интернет, то, допустим, *Siemens* или *General Electric* предпринимают реальные усилия для распространения успехов одной индустрии на другую. Технологии нынешнего ИИ не допускают такого рода

переноса. И та же самая ситуация складывается со смартфонами и приложениями: по всей видимости, мы уже исчерпали их эффективность, так что теперь ежегодное обновление имеет все меньшее значение. Нечто похожее может вскоре произойти с машинным обучением — и вполне вероятно, что мы узрим новую «зиму ИИ».

Пожалуй, стоит вернуться к фигуре Ника Ланда. Как-то раз вы обмолвились, что он «слишком в духе 1990-х». Быть может, это неслучайно — на фоне возникновения ретрофутуристических движений. Как избежать подобного рода вещей в концептуальном плане?

От прошлого не убежишь. В попытках вообразить будущее и представить себе утопию мы всегда обращаемся к средствам, идеям и понятиям из прошлого — у нас в руках арсенал элементов, из которых мы стараемся пересобрать нечто новое. Таков основной эмпиристский довод против утопического мышления: нельзя вообразить то, что не было пережито ранее. Однако здесь упускается из виду, что воображение представляет собой всякий раз уникальную пересборку элементов — скорее в смысле комбинаторного подхода к представлению будущего, нежели придумывания из ничего. Ретрофутуризм, стало быть, в какой-то степени неизбежен.

Что мы можем сказать в этом смысле о научной фантастике, учитывая быстрорастущий исследовательский интерес к ней как литературному жанру?

Возрождение интереса к фантастике — признак более широкого интереса к будущему вообще. И насколько не удивительно, что оно началось после 2008 года. Ведь до финансового кризиса и левым, и правым казалось, что неолиберальный капитализм — это весьма стабильная система, способная развиваться достаточно быстро, чтобы подавлять любые возможные формы критики или протеста. «Пузырь доткомов» начала 2000-х ничуть не замедлил экономический рост, будто неолиберализму и впрямь удалось преодолеть цикл подъема-спада. Тем не менее в 2008 году все разбилось вдребезги. И даже спустя десятилетие мы пребываем в ситуации, когда никто не знает, как перезапустить процесс накопления капитала.

Неолиберальная гегемония оказалась поистине сокрушена — поначалу материалистически, а теперь социально и политически. Вопрос о будущем встает столь же остро, как после распада Советского Союза. Рубеж веков, когда глобальный капитализм казался беспорным, остался далеко позади. Широкий академический (хотя не только: сочинять научную фантастику тоже стали гораздо больше) интерес знаменует историческую ситуацию, в которой мы находимся.

Как вы считаете, какое место по отношению к акселерационизму занимают такие зарождающиеся движения, как прометеанизм и ингуманизм, вошедшие в сборник #ACCELERATE? Дополняют ли они друг друга?

Пожалуй, лучше рассматривать их не как движения, а как концептуальные решения различных вопросов, создающие основу для дальнейших исследований. Когда Рэй Брассье говорит о прометеанизме, он отсылает к базовому политическому и философскому постулату об отсутствии непреложных данностей — нет трансцендентального, которое не могло бы быть изменено, и этот тезис запускает серию концептуальных и практических ходов. Сходной предпосылки придерживаемся и мы с Алексом Уильямсом, когда мы делаем акцент на посттрудовом. Проект завершения наемного труда обусловлен стратегическим анализом, согласно которому капитализм опирается на условия наемного трудящегося и натурализует их. Будучи отнюдь не детерризирующим движением, капитализм обусловлен воспроизводством крайне узкой классовой структуры, определяющей и ограничивающей то, что значит быть человеком. При капитализме образ человека крайне стеснен, и проект отказа от труда — это первый шаг к демонтажу его оков.

Помимо прочего, эти проекты имеют много общего с Просвещением, по крайней мере идеологически. Пытаются ли они возродить его идеи?

Да, пусть и очень своеобразно. Основополагающее понятие Просвещения как прогресса посредством мышления, разумеется, играет ключевую роль. С единственной оговоркой об исходном понятии, восходящем к незаинтересованному, развоплощенному, но неявно белому, маскулинному,

обладающему собственностью субъекту. И многие критики, постколониальные и постструктуралистские, справедливо осуждали такое допущение. Однако это не означает, что мы должны отбросить идею рациональности или концептуального прогресса; следует лишь усложнить представление о них. Вот что привлекает меня в работе таких людей, как Негарестани, которые пытаются придать новый импульс некоторым идеям Просвещения и прогресса разума с учетом их прежней критики.

Одно из, вероятно, важнейших понятий постпросвещенческой критики — отчуждение. Насколько оно вписывается в акселерационизм и другие актуальные теории? Даже ксе-нофеминизм считает его своей движущей силой.

Для нас отчуждение начинается с отказа от какой-либо подлинной самости. В этом смысле субъективность — именно форма отчуждения, а процесс определения того, что значит быть человеком, — его продолжение. Следовательно, отчуждение — не какое-то отклонение, но основополагающий процесс конструирования человеческого.

«Манифест акселерационистской политики» считает целесообразными как горизонтальные, так и вертикальные действия в политической практике. На каких конкретных примерах это проявляется?

Во время написания манифеста и книги «Изобретая будущее» мы во многом реагировали на движение *Ossuru Wall Street*. Когда на наших глазах оно распространялось по миру, мы наблюдали неуклонный крен в сторону горизонтальности в ущерб какой бы то ни было вертикальности (что зачастую входило в риторику движения, хотя на практике встречались немногочисленные исключения). Это привело к коллапсу и полному провалу стремлений что-либо изменить. Поэтому, когда мы говорим о необходимости выйти за пределы чистого горизонтализма, мы подразумеваем уроки, вынесенные из опыта *Ossuru*.

Что касается подлинной альтернативы, то мы уже видели серию экспериментов после поражения *Ossuru*. Хорошим примером на организационном уровне может служить *Rodemos* — вертикальная партия, совмещенная с горизонталь-

ными, общими кругами, которые представляют более локализованные формы групп, способных к интеракции и обратной связи с вертикальной системой. Происходит крайне любопытный взаимообмен — в парадигме, которую нельзя описать ни как традиционную иерархию, ни как традиционное горизонтальное движение.

Другой пример — здешний британский *Momentum*. Есть также Лейбористская партия, которая, будучи более-менее иерархической, изначально включала в себя горизонтальные элементы. Но *Momentum* — нечто еще более интересное: система, которая вовлекает в себя спонтанную низовую инициативу. Возникающая горизонтальная организация органически встраивается в вертикальную систему — и весьма продуктивно, если взглянуть на то, что было достигнуто на последних всеобщих выборах.

Думаю, это интересные примеры или, скорее, эксперименты, на которых можно учиться, а не модели, которые следует воспроизводить. Классические категории горизонтальности и вертикальности тут совсем не применимы. К чему мы с Алексом Уильямсом и клонили: они ограничивают наши представления о возможном, и постоянная опора на ту или иную крайность приведет нас в тупик. Я считаю, что неудача *Оссиру* и сходных движений, к счастью, содействовала тому, что люди стали мыслить за пределами таких категорий.

Имеет ли это какое-то отношение к кибернетической теории?

Возможно. Я немного скептически отношусь к набрасыванию термина «кибернетика» на все подряд. Зачастую его используют как новомодное словечко, обозначающее то, что может быть описано значительно проще и глубже.

Касательно коммуникаций: Рэй Брассье как-то заявил, что интернет не является «подходящим медиумом для серьезной философской дискуссии». По-вашему, это описывает всю систему коммуникации в интернете в целом?

Интернет в самом деле является прекрасным медиумом для дискуссии при соблюдении соответствующих условий (это касается любого медиума коммуникации). Часто од-

ним из основных различий между дискуссиями в интернете и где-то в другом месте выступает наличие воображаемой аудитории. Дело в том, что ты пишешь не для того, чтобы чему-то научиться, и тем более не для того, чтобы увлечься некоей идеей или усомниться в чем-либо или ком-либо (даже в самом себе), но просто чтобы выступить перед данной аудиторией. Дискуссия в конечном итоге сводится к игре на ублажение этой воображаемой публики, когда наиболее характерной меркой успеха становятся лайки и ретвиты. Потому я не считаю фейсбук, не говоря уже о твиттере, площадками, которые способствовали бы осмысленной дискуссии. Не скажу, что использование такого рода медиа было абсолютно бесполезным, ведь политика — отнюдь не только рациональная дискуссия (скажем, часто высмеиваемые твиттер-свары лично мне кажутся скорее примером применения слабыми привычного оружия стыда против сильных). Но из подобных ограничений естественным образом происходит (часто забавная) фрустрация, которую терпят серьезные люди, пытающиеся начать вразумительный разговор онлайн, и любое эффективное политическое использование медиа должно отдать им должное.

Ведение блогов, с другой стороны, могло бы быть полезным для совместного развития идей. У истоков блогинга стояло крошечное сообщество людей, которые в процессе обсуждения руководствовались не соперничеством и не демонстрацией всезнайства. Блоги были тем местом, где можно было без стеснения допускать ошибки, равно как и апробировать свои идеи с эпистемической скромностью. Эти аспекты почти исчезли из сферы общественного интереса, что, по-моему, связано с их воссозданием на более приватном уровне. Так что вместо публичного блога, где каждый может оставить комментарий, люди заводят *WhatsApp*, или *Slack*, или даже *Google+*, чтобы создать небольшие и более укромные сообщества для развития идей.

Могли бы вы заявить, что интернет следует реапроприировать? В предыдущей фазе он казался куда менее коммерциализированным и механизированным. Есть ли у нас такая возможность?

Полагаю, что да. Можно представить себе различные формы коллективной собственности, предполагающие изъятие кон-

троля над платформами у капиталистических предприятий. Запросы капитализма зачастую расходятся с требованиями общественности. Хороший пример тому — твиттер. Он вполне мог стать пространством для осмысленного общения с другими, но вместо этого компания сосредоточилась на попытках повышения внимания к услугам и привлечения рекламодателей, стимулируя более поверхностные контакты. То же происходит где угодно в Сети: от *SEO* до контент-ферм, кликбейтов и *fake news*. Тем не менее мы вполне можем представить себе альтернативы. Например, находящийся в кооперативной собственности твиттер, управляемый пользователями, способными создать социальную медиаплатформу, которая бы стимулировала пусть и менее прибыльные, но более полезные варианты поведения. Блокчейн предоставляет совершенно новые возможности децентрализованного владения платформами, хотя сейчас речь идет скорее о хайпе ее сторонников, нежели о практической модели. Но к какому ответу мы бы с вами ни пришли, суть в том, что нам позарез нужно вернуть контроль над цифровыми платформами, особенно в связи с тем, что они поглотили остальную экономику и овладели ею.

Видимо, вы разделяете подозрения по поводу возможного использования интернета для манипуляции, о чем предупреждали такие теоретики, как Франко «Бифо» Берарди.

Безусловно, социальные медиа манипулируют людьми, но вопрос в том, делают ли они это иначе, чем предыдущие медиа. Взгляните на переполох вокруг *fake news*, повлиявший на выборы в США и приведший к Трампу. Если вы взглянете на данные, то обнаружите, что наибольшее влияние на результаты оказали отнюдь не твиттер или соцсети в целом. Напротив, это было разговорное радио — старый и политически сильно ангажированный медиум, который слушали очень многие пожилые люди. Можно обратить внимание и на роль британских таблоидов как пример аналогичных «старых» медиа. Новые технологии поспешно обвиняются в наших бедах, но нередко такие суждения не выдерживают никакой критики. По-моему, влияние *4chan* или «войн мемов» на ход выборов было чрезвычайно слабым. Приход к власти Трампа был вызван намного более привычными вещами.

Несколько более абстрактный вопрос: согласны ли вы, что XX век показал пределы человеческой политики и экономики, а то и мышления в целом?

В определенном смысле да. Гуманизм, не придающий никакого значения нечеловекам, разумеется, окончательно устарел в эпоху экологического кризиса. Равным образом романтические идеалы классического гуманизма были окончательно сломлены постструктурализмом и нейронаукой. Как риторические ходы они эффективны до сих пор, но уже не годятся в качестве политических ориентиров — нам следует двигаться дальше.

Что это значит для праксиса в современном обществе, где к переменам не приводят ни прямое действие, ни то, что вы называете «народной политикой», наряду с догматическим гуманизмом?

Думаю, отчасти дело здесь в развитии наших способностей к абстрактному и стратегическому долгосрочному мышлению. Это направление заметно усилилось в начале XX столетия. У вас должно быть нечто вроде передовой партии, намеренной переменить ход истории, определив, каким должен быть ее дальнейший разворот и какая роль уготована рабочему классу в осуществлении революции, в переходе к новому историческому периоду. Прежний анализ структурных сил истории необязательно был истинным, однако он отдавал приоритет внечеловеческим элементам. Сегодня мы практически утратили такие способности к долгосрочному и стратегическому мышлению. В результате все чаще акцент делается на тактике и безотлагательности, а также на инстинктивно реактивной политике. Одним из выходов за пределы гуманизма и фетишизации тактики было бы восстановление таких способностей. В последнее время потребность в нем осознают все сильнее, и, по-видимому, предпринимается все больше попыток решить проблему. Однако пока что они находятся в начальной стадии.

Связаны ли эти соображения с «платформенным капитализмом», которому посвящена ваша одноименная книга?»¹

1. См.: *Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2016.*

Если нет, то на что данное экономическое состояние оказывает определяющее влияние в теории?

Я считаю, что платформенный капитализм возникает как один из ключевых акторов политики будущего. Чтобы начать мыслить стратегически, нам следует проанализировать ведущие технологические компании. Назовем несколько факторов их влияния на политику будущего. Главнейший из них — характер обеспечения контроля над другими компаниями с помощью не только экономических, но и политических средств. Прекрасный тому пример — доминирование гугла и фейсбука над традиционной индустрией медиа, которое весьма наглядно воплощает вероятное будущее других индустрий, nämlich они конкурировать с платформенными моделями.

Итак, первый фактор — влияние платформ на конкуренцию внутри капитализма. Второй касается влияния платформ на социальные движения и, шире, на народную политику. Как показал Джереми Гилберт, платформенный капитализм, подобно фордизму и постфордизму, делает возможными новые формы политического действия. Платформы предоставляют организационные механизмы и способы координации для осуществления нами коллективных действий, которые были попросту невозможны 20 лет назад. Я не до конца уверен, есть ли хоть какие-то основания для упразднения платформ. Но осознание существенных изменений важно для рассуждений о стратегии и о том, как мы будем предпринимать политическое действие сегодня.

Элементом, объединяющим разного рода платформы, по всей видимости, служит не только анализ сырых данных (raw data mining), но и рента. Наблюдаем ли мы возвращение марксового «рантье»?

Нужно продумать эту категорию, поскольку я не слишком уверен в ее уместности. Зачастую то, что мы называем рентой, означает просто сверхприбыль. Но я полагаю, что имеет место нечто вроде откачивания стоимости платформенными компаниями у их неплатформенных конкурентов — крайне интересное в контексте размышлений о совокупной природе и состоянии нынешнего капитализма. Думаю, массивное накопление стоимости этими компаниями-платформами в действительности не слишком полезно для капитализма

в целом. Мы видим отнюдь не возобновление капитализма, а сосредоточение и концентрацию капитала в руках все меньшего и меньшего числа платформ-монополий. Таким образом, на уровне капитализма как целого стоят реально важные вопросы о том, что означает его платформенная разновидности. Несмотря на хайп вокруг этих компаний, я считаю их симптомами всеобщей стагнации.

Что скажете о расе и гендере? Останутся ли идентичности угнетенных субъектов в застое, как и вся система, или они изменятся в эпоху платформ?

С одной стороны, мы имеем — хотя это и не нововведение платформенного капитализма, а продолжение неолиберализма — обратное делегирование труда семейной структуре, остающейся крайне гендерно дифференцированной. Так, женщины по-прежнему преимущественно заботятся о детях, оказывают долговременную медицинскую помощь и ухаживают за пожилыми, ведут домашнее хозяйство и вовлечены в другие виды труда по общественному воспроизводству. В последние четыре года мы наблюдаем сопротивление это со стороны незанятой части семьи.

Что касается расы, я не уверен, будто платформенный капитализм привнес нечто новое, кроме видоизменения уже существующих расовых иерархий посредством слегка обновленных механизмов. Да, мы сталкиваемся с ростом всевозможных алгоритмических ошибок, и машинное обучение опирается на ресурсы социальных данных, слишком часто перенося существующие ошибки в автоматизированные системы. Вероятно, перед нами проблема нового типа, однако она ведет к сокращению проявлений расизма по сравнению с насилием, чинимым более привычными средствами. Где раса более заметно пересекается с цифровым капитализмом, так это в эффектах автоматизации и производства безработных субъектов, зачастую в населенных расовыми меньшинствами и сегрегированных городских районах. В этом тоже нет ничего нового, но усиление процессов автоматизации может усугубить ситуацию.

Возвращаясь к технологии: как бум доткомов отражается на нынешней платформенной стадии капитализма? Указывает ли возможная аналогия на вероятность нового пузыря?

Экономист Лоуренс Саммерс недавно говорил о значении финансовых бумов и спадов для современного капитализма. В общем виде его аргументация такова: равновесная процентная ставка слишком низка для обеспечения баланса между инвестициями и сбережениями, и единственный способ разрешить проблему — поощрять капитализм легких денег и финансовых бумов для достижения хоть какого-то экономического роста. Он ссылается на жилищный кризис в Японии, американский пузырь доткомов, подобие бума вокруг европейских периферийных облигаций и жилищный бум в США — и все это за последние 20 лет. Рассматривая эти подъемы и спады, он утверждает, что без них в лидирующих капиталистических экономиках не было бы никакого роста — они были незаменимы для стимулирования современного капитализма. Об этом стоит сказать пару слов.

Хотя сегодня мы имеем краткосрочный бум (трудно считать иначе, учитывая наблюдаемые эффекты увеличения денежной массы и низкие процентные ставки), я думаю, он отличается от технологического бума 1990-х. Одно из основных отличий состоит в следующем: в 1990-е целью множества начинающих компаний было попасть на фондовые биржи, заработать побольше денег на первичном размещении акций (*IPO*) и далее просто наблюдать, как растет их стоимость. Теперь же *IPO* почти не проводятся. Лишь немногие стартапы выходят на фондовые биржи с целью получения прибыли (наверное, последней заметной компанией был *Snar*). Но большинство технологических стартапов опираются на венчурный капитал и полностью частное владение. И если они укрупняются в достаточной степени, в конечном итоге их выкупают компании типа гугла или фейсбука.

Сегодня процветание технокомпаний связано с их выкупом платформами-монополиями, тогда как успех бума доткомов 1990-х состоял в том, чтобы сделать деньги на фондовой бирже. Отсюда возможный спад активности таких игроков, ведь, хотя многие американцы так или иначе вовлечены в рынок акций (через пенсионное обеспечение или другие сбережения), лишь крошечная часть населения вовлечена в венчурный капитал. Так что если за разворачивающимся на наших глазах бумом в технологическом секторе последует спад, его последствия будут относительно скромными. Важно не забывать, что коллапс технологиче-

ского бума 1990-х также был сглажен его привязкой к фондовым биржам и снижением ключевой ставки Федеральной резервной системой.

Могут ли криптовалюты рассматриваться как будущие факторы влияния на такого рода рыночные условия? Биткоин выглядит новым финансовым фетишем.

Мне кажется, биткоин в будущем станет маргинальной валютой, пригодной для выполнения немногочисленных функций. Не вижу никаких оснований для замещения им национальных валют. Немаловажны технические ограничения использования того же биткоина для быстрых и частых повседневных транзакций. Имеется также фактор экологического воздействия многих систем, основанных на блокчейне, который налагает суровые ограничения на их повсеместное использование. Блокчейн и вообще технологии цифрового финансового учета могут быть крайне интересными в применении и обладать захватывающими потенциальными функциями. Но я достаточно скептически отношусь к идее, будто цифровые валюты будут как-то конкурировать с национальными.

Если говорить только о блокчейне, может ли он найти «революционное» применение?

Над этим стоит подумать, ведь на данный момент весьма затруднительно отличить хайп от действительного положения вещей. Когда знаменитости из *C-list*² выходят на *ICO*³, кажется, что мир немного помешался. У блокчейна, вне всяких сомнений, есть определенный трансформационный потенциал, но, насколько я могу судить, практически все, что о нем говорится, — только задумки, и на практике лишь очень небольшое сработало.

Тогда стоит обратиться к концепту гиперверия (hyperstition). Наряду с платформенным капитализмом возника-

2. *C-list celebrity* — человек, обладающий популярностью и известностью по неизвестной кому-либо причине; «популярный благодаря своей популярности». — Прим. пер.
3. Первичное размещение монет (*initial coin offering*) — форма привлечения инвестиций в виде эмиссии и продажи инвесторам новых криптовалют.

ют новые структуры, такие как брендовая торговля, волатильная торговля, переворачивающие привычные представления об ориентации во времени. Учитывая очевидную зависимость от будущего, является ли гиперверие лишь феноменом или применимым средством?

В работе «Изобретая будущее» мы с Алексом пытаемся представить гиперверие как один из инструментов воплощения и осуществления недетерминистского прогресса. Вот что мы старались продумать: как вырваться из детерминистских понятий о прогрессе? Влечет ли отказ от абсолютов конец прогресса как такового? Имеется ли в нашем распоряжении лишь один набор вариантов? Гиперверие, напротив, взывает к ориентации, наделяя импульс движения вектором и вместе с тем не задавая какой-то абсолютной исторической траектории. Таким образом, гиперверие — это способ концептуализировать прогресс, избегающий более классических мотивов.

Последний вопрос может прозвучать простовато. Зачем становится левым сегодня?

Самый простой ответ: капитализм — это хитроумная система принуждения и онтологического застоя, и мы можем это исправить. Традиционный левацкий аргумент, основанный на равенстве и справедливости, также кажется мне убедительным. Но совсем не обязательно с ним соглашаться, чтобы понять, что капитализм неимоверно сдерживает наши возможности, привязывая нас к монотонным циклам накопления, от пут которых левый проект и призван нас освободить.

Беседовал Артем Гуреев

Бостон — Лондон, 10 сентября 2017 года